А.И. Ланькова
(Вологда)

А.Н. БАШЛАЧЁВ И В.С. ВЫСОЦКИЙ. К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ

Башлачёва часто сравнивали с Высоцким, особенно в начале творческого пути. Два поэта, живущие в реалиях одного времени, затрагивающие в своём творчестве социальные и, отчасти, политические темы, не могут не перекликаться. Иронические стихи А.Н. Башлачёва (такие как «Слёт-симпозиум» и «Подвиг разведчика») в размере, рифмовке, синтаксисе и тематике практически совпадают с большинством юмористических песен Высоцкого. Вероятно, именно они были причиной того, что раннего Башлачёва относили к подражателям Высоцкого.

Стихотворение «Подвиг разведчика» по своей тематике созвучно со стихотворением «Письмо в редакцию телевизионной передачи «Очевид-

ное-невероятное» с Канатчиковой дачи» В.С. Высоцкого. В обоих случаях стихи об информационной пропаганде, но в стихотворении Высоцкого получателями этой информации являются постояльцы канатчиковой дачи, в стихотворении же Башлачёва – обыватель, только что вышедший из запоя. Очевидность пропаганды претит обоим поэтам, как заметил Башлачёв: *«По радио поют, что нет причины для тоски, / И в этом её главная причина»* (Башлачёв 1991: 9).

Ещё одно стихотворение А. Башлачёва, явно перекликающееся с творчеством Высоцкого, – «Палата №6». Его название также отсылает нас к рассказу А.П. Чехова. Получается, что в данном тексте Башлачёв позаимствовал форму изложения у Высоцкого из стихотворения «Москва – Одесса», а сюжет у А.П. Чехова. Антитеза, на которой построено стихотворение, переходит из текста Высоцкого, правда, её границы несколько расширяются. В стихотворении Высоцкого лирический герой попадает в ситуацию выбора в здании аэропорта: ему нужно туда, куда его не пускают (в Одессу), а туда, куда летают самолёты, ему лететь совсем не хочется. Башлачёв сознательно расширяет реалии выбора, доводя ситуацию до абсурда. Он только отталкивается от темы поездки: *«Хотел в Алма-Ату – приехал в Воркуту»* (Башлачёв 1991: 10) и далее нигде её не поддерживает. Разными путями Высоцкий и Башлачёв приходят к практически одинаковому финалу. Но у Высоцкого он менее надрывен: *«Опять дают задержку до восьми, / и граждане покорно засыпают. / Мне это надоело, чёрт возьми, / И я лечу туда, где принимают»* (Высоцкий 1988: 78). В башлачёвском же финале (как и в рассказе А.П. Чехова) мы видим сломленного человека: *«Хотелось закричать – приказано молчать. / Попробовал ворчать – но могут настучать. / Хотелось озвереть, кусаться и рычать. / Пытался умереть – успели откачать. / Могли и не успеть. Спасибо главврачу / За то, что ничего теперь хотеть я не хочу. / Психически здоров. Отвык и пить и есть. / Спасибо, Башлачёв. Палата номер шесть»* (Башлачёв 1991: 10). Это стихотворение можно назвать своего рода переходным от «подражательности» к литературному заимствованию. Так же, как и концерт 22 января 1986 года в Театре на Таганке, который провёл чёткую границу между творчеством Башлачёва и Высоцкого.

В стихотворениях не ироничных Башлачёв совершенно отказывается от подражательности в пользу литературных заимствований из текстов В.С. Высоцкого. Это подтверждается тем, что основные идеи его стихотворений могут не только отличаться, но и противоречить идеям цитируемых произведений.

Обратимся к стихотворению «Слыша В.С. Высоцкого /триптих/». Это своего рода диалог двух поэтов. Вероятно, из этого исходил Башлачёв, выбирая структуру триптиха для своего стихотворения. В первой его части Башлачёв использует стихотворение В.С. Высоцкого «Корабли постоят – и ложатся на курс...» как в плане заимствования построения предло-

жений, ритма, рифмовки, так и в прямом цитировании. При этом Башлачёв противоречит Высоцкому. Сравним: *«Возвращаются все, кроме лучших друзей, / Кроме самых любимых и преданных женщин. / Возвращаются все, кроме тех, кто нужней. / Я не верю судьбе, / Я не верю судьбе, а себе ещё меньше»* (Высоцкий 1988: 45) и *«Возвращаются все. и друзья, и враги / Через самых любимых и преданных женщин./ Возвращаются все. И идут на круги. / И опять же не верят судьбе. Кто больше, кто меньше»* (Башлачёв 1991: 15). В данном случае разворачивается тема судьбы как круга или спирали, возможности возрождения и перерождения. Заменив слово «кроме» на «через», Башлачёв разворачивает мысль Владимира Семёновича о несправедливости судьбы в несколько иное русло: повторяющегося раз за разом, круг за кругом жизненного сюжета. В таком переосмыслении «самые любимые и преданные женщины» становятся важным элементом жизненного круга.

Вторая часть триптиха не имеет заимствований. Если представлять стихотворение как диалог, то вторая часть – реплика Башлачёва. И в этой реплике Александр Николаевич обобщает все свои главные мысли: об искупительной любви к ближнему, о значении Слова, о свойствах времени.

Третья часть триптиха возвращает нас к Высоцкому, вернее, к теме «колеи» в его творчестве. Но у Башлачёва колея проходит по воде. Что это значит? Значит, что её невозможно увидеть, невозможно пощупать, можно только поверить или не поверить в её существование. Башлачёв верит, но и веря в то, что всё предопределено судьбой (колеёй), Александр Николаевич говорит о желании свернуть с неё: *«Колея по воде... Но в страну всех чудес / Не проехать по ней, да ещё налегке, да с пустым разговором»* (Башлачёв 1991: 15). И снова строчка из стихотворения «Корабли постоят – и ложатся на курс...»: *«Я, конечно, спою. Я, конечно, спою»*. Высоцкий продолжает: *«Не пройдёт и полгода»*, а Башлачёв: *«Но хотелось бы хором»*. Лирический герой видит необходимость сойти с колеи, но не хочет делать это в одиночестве. Герой Башлачёва вдруг понимает, что его желание сойти с колеи также предопределено. Возникает ощущение тревоги. Но он сам обрывает эти рассуждения: *«Только что тут гадать? Высоко до небес. / Да рукою подать до земли, чтоб месить тили-тесто»* (Башлачёв 1991: 15). И снова рефреном звучит тема Высоцкого, цитата из его стихотворения «Он не вернулся из боя»: *«А наши мёртвые нас не оставят в беде. / Наши павшие как на часах часовые»* (Башлачёв 1991: 15). И снова Башлачёв заканчивает строфу на свой лад: *«Но отражается небо во мне и в тебе / И во Имя имён пусть живых не оставят живые»* (Башлачёв 1991: 15). Это можно рассматривать как подведение итогов диалога поэта с поэтом, а можно и шире – как способность увидеть Бога («небо») в ближнем, как желание обратить внимание на этих ближних, тех, кто ещё жив и нуждается в тебе. Любопытно, что в этом стихотворении Башлачёв апеллирует не только к текстам Высоцко-

го, но и к его сценическому амплуа и ролям в кинофильмах. В триптихе есть отсылка к фильму «Место встречи изменить нельзя» (*«На Молочном пути вход с восхода открыт / И опять молоко... и нельзя изменить место встречи»*) и к Гамлету, образ которого Высоцкий воплощал на театральной сцене: *«И несётся сквозь тучи забористый смех: / – Быть – не быть? В чём вопрос, если быть не могло по-другому!»* (Башлачёв 1991: 15). У Владимира Семёновича есть стихотворение «Мой Гамлет», одна строка из которого отражает основную мысль башлачёвского триптиха: *«В рожденьи смерть проглядывает косо»* (Высоцкий 1988: 301). И заканчивается «Мой Гамлет» созвучно триптиху: *«А мы всё ставим каверзный ответ / И не находим нужного вопроса»* (Высоцкий 1988: 301).

Знаковое стихотворение Башлачёва «Время колокольчиков» построено на трансформации образов «колокола» и «церковного купола», использованных Высоцким в стихотворении «Песня о России». Владимир Семёнович создаёт мощный, даже гнетущий образ Храма. В последних строках чувствуется авторский упрёк людям за попытки через материальное приблизится к духовному (Богу). *«В синем небе, колокольнями исколотом, – / Медный колокол, медный колокол / То ль возрадовался, то ли осерчал. / Купола в России кроют чистым золотом, / Чтобы чаще господь замечал»* (Высоцкий 1988: 361). Башлачёв же идёт ещё дальше: *«Но с каждым днём времена меняются./ Купола растеряли золото. / Звонари по миру слоняются. / Колокола сбиты и расколоты»* (Башлачёв 1991: 15). На смену «медному колоколу» приходят «колокольчики», с куполов сбивается позолота. Люди больше не ищут Бога в своей душе, даже через материальное.

Литература

Башлачёв А. Воскресное приложение к газете Речь. – Череповец. – 1991. – фев.

Высоцкий В.С. Избранное. Т. 2. – М., 1988.